
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОВЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 930.1
ББК 63.3

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СХЕМЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ В.Н. ШЕРСТОБОВЕВА

Статья восстанавливает в правах концептуальную схему сибирской истории В.Н. Шерстобоева (1900–1963), представленную в его «Илимской пашне» и уточнявшуюся вплоть до завершения им активных занятий экономической историей. Работа обращается к причинам, по которым эта модель не стала частью сибирской историографии, а за главным трудом жизни ученого неоправданно закрепилась слава хотя и фундаментального, но локального, едва ли не краеведческого и исключительно эмпирического исследования.

Ключевые слова: азиатский способ производства, государственный феодализм, историография, примитивный капитализм, В.Н. Шерстобоев.

D.YA. MAIDACHEVSKY

MISADVENTURES OF SHERSTOBOEV'S CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE HISTORY OF SIBERIA

The article rehabilitates V. N. Sherstoboev's (1900–1963) conceptual framework of the history of Siberia introduced in the «Ilim tillage» that was evolving till the end of his creative activity. The paper considers the principal causes of its status as a fundamental, but local and mainly empirical study.

Keywords: Asiatic mode of production, State feudalism, historiography, Primitive capitalism, V.N. Sherstoboev.

Концептуализация — процесс формулирования утверждений общего характера. Модное слово, основное достоинство которого заключается в том, что оно позволяет тому, кто его использует, избежать выбора между словами «формулирование», «обобщение», «абстрагирование» и «размышление».

Ч. Райкрофт

Пишущему эти строки уже доводилось отмечать, что историческая наука с настойчивостью, достойной лучшего применения, по сей день склонна рассматривать «Илимскую пашню» В.Н. Шерстобоева всего

лишь как «печатный архив», имеющий огромный «фактологический потенциал», подчеркивая тем самым значение книги в качестве источника исторических фактов. Нацеленность же автора на создание не только привычного для историков описания, но и концептуальной схемы сибирской истории, онтологически необходимой для понимания эмпирического материала, превращения постоянно ускользающего и меняющегося в нечто устойчивое, как и полученные им результаты, остались незамеченными. Или же сознательно проигнорированными, в силу ли политико-идеологической «небезопасности» или присущего им политико-экономического «радикализма».

Не отказывая в праве на существование этих и других легко вписывающихся в обозначенный ряд объяснений, решающую роль отведем, все же, «объективному» обстоятельству — выходу в свет второго тома «Илимской пашни» спустя восемь лет после тома первого. В результате чего концептуальная схема сибирской истории (как и исторический процесс, ею охватываемый, описываемый и «формализуемый»), оказалась разорванной на две друг с другом не связанные части, изложенные в заключении каждого из томов. Мы уже не останавливаемся на том факте, что, производя внушительные сокращения текста второго тома (подробнее см.: [5]), автор был вынужден избавиться от повторов, эту связь устанавливающих, или на принципиальном его нежелании публиковать какие-либо части своего труда до выхода его в свет, также немало тому способствовавших. Поэтому существует необходимость, хотя бы кратко, конспективно воспроизвести упомянутую схему.

Социально-экономические порядки, господствовавшие в Илимском воеводстве в XVII — начале XVIII в., под очевидным влиянием появившейся уже по ходу его работы с архивным фондом Илимской приказной избы книги Н.М. Дружинина [2] В.Н. Шерстобоев определяет в первом томе «Илимской пашни» как «государственный феодализм»¹. «Основные производственные отношения, — резюмирует исследователь, — складывались здесь между крепостническим государством и государственными крестьянами. Государство является в развитии сибирского крестьянства огромной, определяющей силой и регулирует экономику и правовое положение крестьянина по образцу феодальных учреждений. Поэтому нужно считать, что в Сибири феодальный строй принял форму государственного феодализма» [8, с. 594].

Не удовлетворившись, однако, очевидным у того же Н.М. Дружинина акцентом на социально-политической природе института государственных крестьян, в силу чего конструкт «государственного феодализма» приобретал юридический характер, сибирский исследователь намеренно «экономизирует» его, обнаруживая (вновь с помощью работы

¹ Сам В.Н. Шерстобоев не ссылается на книгу Н.М. Дружинина, предпочитая отсылать читателя к первоисточнику — работе В.И. Ленина — откуда понятие было тем заимствовано.

В.И. Ленина) у этой юридической формы экономическое содержание — «азиатский способ производства». В.Н. Шерстобоев дает достаточно развернутую характеристику последнему: «Государство не распоряжалось произвольно имуществом, трудом и временем пашенного крестьянина, не вмешивалось в его хозяйство и в его личные и семейные отношения... Напротив, оно точно регламентировало права и особенно обязанности крестьянина и не нарушало без нужды установленного порядка». При этом, «...надельная земля давалась ему не в собственность и не в аренду, а в бессрочное пользование. Он не мог ни купить, ни продать землю, за ним сохранялось лишь право аренды государственной земли, если надел оказывался мал. Во многих своих правах и обязанностях он походил на служилого человека, состоящего на службе пожизненно и обязанного передать свои функции детям» [8, с. 380–381].

Отличительной особенностью социально-экономических порядков в Сибири XVII — начала XVIII в. В.Н. Шерстобоев полагал одноклассовый состав пашенного крестьянства, в силу чего, на его взгляд, в основе эволюции социально-экономического строя не могли лежать только антагонистические социально-классовые противоречия. Использование одной лишь концепции классового противостояния резко ограничивало, на его взгляд, возможности исследования, не позволяло в должной мере раскрыть особенности развития хозяйственных порядков в Сибири. «Натуральные производители» — крестьяне всегда отличаются друг от друга или составом семьи, или величиной земельного надела, или степенью зажиточности. Однако, вследствие неразвитости товарных отношений в XVII в. имущественное неравенство среди крестьян, на его взгляд, еще не приводило к социальному расслоению в сибирской деревне. Классовое расслоение сопровождается, настаивает исследователь, а не обуславливается имущественным неравенством. Между началом классовой дифференциации и дифференцированием классов лежит целая «историческая эпоха», названная им впоследствии «примитивным капитализмом». Илимская деревня уже знала зажиточных крестьян, эксплуатировавших более слабых «сообщественников», уже имела в своих недрах значительные группы бедноты, но это были лишь симптомы едва начавшегося процесса. Имущественное неравенство являлось, по мнению ученого, хотя и необходимым, но далеко не достаточным условием для образования классов (подробнее см.: [4, с. 191–195]).

Очевидно, прав был В.В. Покшишевский, в своей рецензии на первый том «Илимской пашни» назвав «легковесной» попытку автора построить в заключении своей работы классификацию типов колонизации [6, с. 310]. Однако, он, безусловно, заблуждался, полагая ее не связанной с основной темой книги — ведь это была едва ли не первая попытка в понятиях «центра» и «периферии» (колонизируемой территории) выразить различия в характере складывающихся там экономиче-

ских отношений, а не довольствоваться привычной для отечественной исторической науки формулой «феодалного подчинения» новых территорий и их населения. Поскольку оказалось невозможным перенести в неприкосновенности крепостнические порядки «центра» в Сибирь — «местное земледелие приобретало государственное значение, оставаясь лишь местным, так как хлеб и другие произведения сельского хозяйства покрывали потребности государства только в узкой, локальной сфере, притом только в натуральной форме» [9, с. 671] — адекватным решаемым колониционным задачам оказался именно «азиатский способ производства», позволявший государству регламентировать хозяйственные права и обязанности крестьян¹.

Впрочем, В.Н. Шерстобоев не обойдет вниманием и попыток упомянутого выше «феодалного подчинения» Сибири. В первом томе «Илимской пашни» он лишь намекнет на безуспешные попытки «паразитически использовать то, что возникло за Уралом без его [дворянства] участия» [8, с. 380], зато во втором посвятит самой впечатляющей из них целую главу — «Снабжение Камчатской и других экспедиций». Великая Северная экспедиция по своим «социально-экономическим устремлениям» рассматривалась исследователем в качестве ярко выраженной «крепостнической акции» — распространения развитых, «концентрированных», крепостнических порядков «срединной России» на области и уезды Сибири с «наиболее слабым развитием феодальных отношений» [1, д. 222, л. 13]. Основным в ходе «разведки» самой возможности закабаления помещичьим государством свободного русского и аборигенного населения восточной окраины стал прием, названный им «невольники». В.Н. Шерстобоев регулярно указывает на схожее положение крестьян и каторжников, будь то основание использования их рабочей силы (принудительный труд) или строгость применяемых наказаний, и его отличие от положения дворовых людей, сопровождавших начальников экспедиции. Ученый связал прекращение экспедиционных работ с упадком сибирского крестьянского хозяйства, ослаблением производственной деятельности и падением его хозяйственной устойчивости, а также с изнурением повинностями местных разночинцев, казаков и инородцев. Другими словами, экспедиция воспроизводством в течение десятилетия крайне нерациональных социально-экономических отношений, фактически сама предопределила и приблизила свой конец (подробнее см.: [3]).

Деятельность Камчатской экспедиции пришлась уже, однако, на тот период в концептуальной схеме В.Н. Шерстобоева, что был обозначен

¹ В.Н. Шерстобоев особо подчеркнет факт «быстрого овладения» государством, приступившим к решению задач прочного закрепления завоеванного края и дальнейшего продвижения на восток путем удовлетворения своих хозяйственных и оборонных нужд, стихийно лишь начавшегося процесса колонизации. И «азиатский» оказался наиболее «экономным» для казны способом производства, позволявшим это сделать.

им применительно к строю пашенных (государственных) крестьян как «примитивный капитализм». Вступление последнего в свои права с конца первой четверти XVIII столетия связывалось с утратой местным илимским земледелием своего прежнего локального (колониационного) государственного значения и его превращением в «основной и постоянно действующий источник денежных поступлений в казну...». Вследствие чего «хлебопашество становится личным делом сибирского крестьянина» и «оказывается совершенно ненужным вмешательство государства в производственную деятельность... в его земельные дела» [9, с. 671]. Что, в свою очередь, стало результатом «падения» всей системы хлебного обложения — исчезновения «средневекового хлеба-провианта и появления хлеба-товара», усиления денежного обложения и его превращения его в итоге в единственную форму государственной эксплуатации сибирских крестьян. Своей политикой подушного и подворного, т.е. уравнительного, обложения, государство создало зажиточному крестьянскому хозяйству благоприятные условия осуществления производственной деятельности. Это обеспечило переход к товарному производству хлеба и, как следствие, резкому росту имущественного неравенства отдельных слоев илимской деревни, сделав эксплуатацию наемного труда обыденным явлением. «Зажиточный сибирский крестьянин, в частности — илимский, получив известную свободу в хозяйственной деятельности, мог с успехом переходить к товарному производству хлеба, эксплуатируя задавленного податями маломощного соседа» [9, с. 671].

Примечательна и показательна, с точки зрения экономиста-историка, перестройка посевов, произведенная крестьянами под влиянием упразднения системы хлебного обложения, выступавшего долгое время препятствием для развития рынка хлеба, и введения денежного, к тому же постоянно возрастающего, подушного обложения. Под воздействием рыночного спроса, подчеркивал исследователь, осваивая агротехнические приемы производства наиболее экономически выгодных хлебов, крестьяне стали — «присматриваясь к рыночным ценам и взвешивая урожайность» — пересматривать набор культур в севообороте, менять структуру посевов, осуществлять переход к более сложному расчленению пашни — к трехпольному севообороту [9, с. 215–221].

Внимание читателя второго тома «Илимской пашни», заинтригованного появлением на его страницах теоретического конструкта «примитивный капитализм», притягивала к себе глава, озаглавленная автором «Неземледельческие пути накопления капитала», невольно заставлявшая искать истоки и суть последнего за пределами аграрной сферы. Хотя автор в своем вступлении и дает понять, что господство в сибирской деревне «низших и худших форм капитала» связывается им с крестьянином-кулаком, который «выступает представителем торгового и ростовщического капитала, с тем лишь различием [от купца и ростов-

щика], что он ведет одновременно и торговое земледелие» [9, с. 484]. В силу чего он и собирает в главе материалы о крестьянской хлеботорговле и ростовщичестве, отделяя их от свидетельств о промышленной деятельности казны и частных лиц.

Словно чувствуя «легковесность» и неубедительность своих построений, В.Н. Шерстобоев уже вскоре после завершения работы над рукописью второго тома своей книги, специально обращается к разработке политико-экономической конструкции «примитивного капитализма». Разработке, осуществлявшейся всецело в рамках марксистской научной парадигмы, с широким использованием неременного «цитатного» метода, но которая может быть признана безынтесным опытом поиска новых подходов к интерпретации фактов экономической истории. В октябре 1954 г. ученый предлагает редакции журнала «Коммунист» статью, озаглавленную «Учение Ленина о примитивных формах капитализма». А в феврале 1962 г., откликаясь на предложение журнала «Вопросы экономики», Шерстобоев выражает готовность выслать в адрес редакции статью «Ленин о примитивном капитализме», которая «будет посвящена высказываниям Ленина о зарождении капиталистических элементов в русской деревне и о значении этих высказываний для современных экономистов и историков развития экономической мысли» (подробнее см.: [4, с. 196-197]).

Поскольку личный архивный фонд сохранил для нас лишь конспект доклада на конференции, состоявшейся в Иркутском финансово-экономическом институте в апреле 1960 г., тексту которого предстояло лечь в основание последней из упомянутых статей, сосредоточим внимание на том, какие изменения или уточнения тот вносит в подходы В.Н. Шерстобоева едва ли не десятилетней давности. Если не относить к такому идею множественности форм капитализма и неувловимым переходом от феодализма к капитализму, то в число принципиальных следует занести, прежде всего, его заявление о том, что термин «примитивный капитализм» призван объединить все низшие формы капитализма исключительно в земледелии. Кроме того, в скрупулезно подобранных ленинских цитатах его привлекает отныне не столько фигура крестьянина-кулака, хлеботорговца и ростовщика, сколько фигура мелкого крестьянина-товаропроизводителя, который «более связан, более запутан сложной сетью капиталистической зависимости, чем наемный рабочий»¹ [1, д. 171, л. Зоб]. Ленинское наследие заставляет решительно порвать с «шаблонным» для отечественной науки восприятием капитализма как требующего свободного, безземельного рабочего, в то время

¹ Цит. В.Н. Шерстобоевым по: Ленин В. И. Мелкое производство в земледелии // Ленин В. И. Соч. / 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 19: Март – декабрь 1913. С. 252.

как «в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайно разнообразных форм»¹ [1, д. 171, л. 1об]².

В.Н. Шерстобоев предпринимет единственную известную нам попытку собрать воедино части своей концептуальной схемы сибирской истории. Его доклад на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, март 1960 г.), озаглавленный «О историческом районировании Сибири», содержал «общеэкономическую периодизацию», предусматривавшую выделение в досоветской истории края, помимо «дорусского», двух периодов: «государственного феодализма» XVII в., а также капитализма, на начальном своем этапе — XVIII в. — «примитивного», зарождавшегося в недрах сибирского крестьянства. Впрочем, утверждать это позволяют лишь материалы личного архивного фонда ученого [1, д. 170, л. 41], но не увидевшие свет тезисы его доклада [10]. И эта скромная презентация оказалась скомканной. На сей раз в дело вмешался «субъективный» фактор. Выступивший одним из редакторов сборника лидер иркутских историков профессор Ф.А. Кудрявцев недогнувшей рукой вычеркнул из текста как явно, на его взгляд, ошибочное и необоснованное упоминание о некоем «примитивном капитализме», восстановив привычную для глаза историка последовательность «феодализм — капитализм», даже не заметив «исчезновения» вследствие этого из периодизации целого (XVIII) столетия. Слабым утешением для В.Н. Шерстобоева стала возможность восстановить оригинальную версию своей схемы на страницах авторского экземпляра тезисов и озвучить ее в ходе выступления. Первый нашел свое последнее пристанище в личном архиве ученого, а последнее удостоилось нескольких скупых слов — «доклад В.Н. Шерстобоева представляет большой научный интерес, но имеет ряд спорных моментов» — в обзоре конференции, опубликованном на страницах журнала «История СССР».

¹ Цит. В.Н. Шерстобоевым по: Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1941. Т. 3. С. 146.

² Чуть больше года спустя идею аграрного происхождения капитализма и также с отсылкой к трудам В.И. Ленина более четко артикулирует на страницах журнала «Вопросы истории» С.Г. Струмилин, всегда поддерживавший Шерстобоева в его экономическом «радикализме»: «Говоря о «существенных признаках капитализма», В.И. Ленин в споре с народниками еще в 1895 г. указывал, что первым из них является товарное производство, когда оно становится общей, а не единичной или случайной формой производства. И лишь вторым признаком капитализма он назвал «принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т.е. рабочей силой человека». Второй признак, разумеется, следовал за первым, как дальнейшее следствие ликвидации натуральных производственных отношений феодального хозяйства. Таким образом, разложение феодализма — это процесс, непосредственно связанный с внедрением в него товарно-денежных отношений и приобретательских форм хозяйства не только в таких новообразованиях, как крупная мануфактурная промышленность, но и в самых глубинных недрах феодального земледелия» [7, с. 58]. Примечательно, что и точка зрения маститого академика, но экономиста, хотя и изложенная в профессиональном историческом журнале, будет проигнорирована отечественной историографией.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. р-2683 (В. Н. Шерстобоев). — Оп. 1.
2. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1 : Предпосылки и сущность реформы / Н. М. Дружинин. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. — 632 с.
3. Майдачевский Д. Я. В. Н. Шерстобоев: «внутренняя» история Великой Северной экспедиции / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — С. 5–14.
4. Майдачевский Д. Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей / Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 204 с.
5. Майдачевский Д. Я. Неопубликованные страницы «Илимской пашни» / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2001. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. — С. 67–70.
6. Покшишевский В. [Рецензия] // Вопросы географии. — 1950. — Сб. 20. — С. 306–310. — Рец. на кн.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949.
7. Струмилин С. Г. К вопросу о генезисе капитализма в России / С. Г. Струмилин // Вопросы истории. — 1961. — № 9. — С. 56–69.
8. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1949. — Т. 1 : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — 596 с.
9. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — Т. 2 : Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. — 674 с.
10. Шерстобоев В. Н. О историческом районировании Сибири / В. Н. Шерстобоев // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода : тез. докл. — Иркутск, 1960. С. 39–43.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Ya. — Ph.D. in Economics, Associate Professor, *Department of the History and International Relations*, Baikal State University, 11 Lenin str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: maid1960@mail.ru.